
Когда-нибудь, когда не станет нас, точнее — после нас, на нашем месте возникнет тоже что-нибудь такое, чему любой, кто знал нас, ужаснется. Но знавших нас не будет слишком много.

Иосиф Бродский

В реальности существуют только три самых верных друга — старая книга, старая собака и наличные деньги.

Бенджамин Франклин

Глава 1

Он терпеливо ждал на площади Королевы Астрид, прогуливаясь рядом со зданием музея, когда к нему подошел мужчина среднего роста в черном пальто и черной шляпе, которые носят обычно ортодоксальные евреи. Характерные пейсы и седая борода не оставляли никаких сомнений. Мужчина подошел ближе, улыбнулся и протянул руку ожидавшему его гостю, приветливо начав по-английски:

— Мне приятно приветствовать вас в нашем Антверпене, господин Дронго.

— Я тоже рад вас видеть, господин Зингерман, — ответил гость. Он был высокого роста. Запоминающееся лицо, внимательные глаза, большой выпуклый лоб, широкие плечи.

— Были в музее? — спросил Зингерман, показывая на здание за спиной гостя. Это был известный на весь мир Музей бриллиантов, который посещал почти каждый гость, прибывающий в этот город. До восьмидесяти пяти процентов всех бриллиантов проходили через руки мастеров Антверпена, который справедливо считался мировым ювелирным центром.

— Еще раз зашел, — признался Дронго, — я и раньше приезжал в ваш чудесный город. И мне вообще нравится посещать ваш музей. Искусство старых мастеров всегда поражает...

— Если бы вы знали, какие мастера были до войны, — вздохнул Зингерман, — мне рассказывал о них мой дедушка. Они успели буквально перед приходом немцев сбежать в Англию на небольшой яхте, которой владела наша семья, и поэтому спаслись. Здесь были настоящие волшебники, потомственные ювелиры в пятом и шестом поколениях. К сожалению, многих уничтожили пришедшие сюда нацисты. Но многие и уцелели, успев эвакуироваться или просто сбежать. После войны семьи

начали возвращаться, чтобы снова поселиться в Антверпене. Но это были уже совсем другие мастера. Даже из тех, кто эмигрировал и снова вернулся. Исчезла неповторимая аура старого города...

— Я вас понимаю, — кивнул Дронго.

— Мы вернулись только в сорок восьмом, — продолжал Зингерман, — мне было тогда всего восемь лет. Но я прекрасно помню, как мой дед тосковал без своего родного города, в котором жили восемь поколений его предков. Восемь поколений, господин Дронго, — подчеркнул ювелир, — и это больше двухсот пятидесяти лет. Мои предки поселились в этом благословенном городе еще в конце семнадцатого века, переехав сюда из Амстердама.

— Именно поэтому вы считаетесь одним из самых опытных ювелиров этого города, — заметил Дронго.

— Не только я один, — усмехнулся Зингерман, — нас четверо двоюродных братьев, у которых есть свои магазины в Антверпене, Амстердаме, Париже и Цюрихе. Хотя наша семья всегда помнит о том, что один из наших братьев был ограблен в Париже на крупную сумму.

— Грабителя нашли?

— Мы точно знаем, кто это был, — загадочно произнес ювелир, — но он до сих пор не арестован, хотя тогда унесли ценностей на довольно большую сумму. Особенно если пересчитать в деньгах по сегодняшнему курсу.

— И кто был этим грабителем? — поинтересовался Дронго.

— Вы, — ответил Зингерман, — вы тогда ограбили магазин моего кузена в Париже. И это было одно из самых шумевших ограблений в мире.

— У меня другой жанр, — рассмеялся Дронго, — несколько иная профессия. Я обычно ищу грабителей...

— Я знаю, чем вы занимаетесь, — добродушно возразил ювелир, — но именно тогда старший брат моего отца открыл довольно большой магазин в Париже, которым руководил его сын, мой кузен. И именно вы его и ограбили...

Дронго понял, о чем именно говорит ювелир.

— Значит, это был магазин вашего кузена?

— Да, — кивнул Зингерман, — как видите, у нашей семьи есть личные счета с вами.

Оба рассмеялись.

— Вы провели тогда неслыханный трюк, — продолжал ювелир. — Узнали фамилию комиссара полиции, который курировал этот париж-

ский район, и позвонили от его имени нашему родственнику, пояснив, что сейчас приедут грабители, которые находятся под контролем полиции. И вы не рекомендуете оказывать сопротивления грабителям, так как при выходе из магазина преступники будут арестованы с поличным.

— Комиссар Барианни, — вспомнил Дронго, — все так и было. Мы позвонили вашему родственнику и попросили его помочь нам в задержании особо опасных преступников. Чтобы он и его охрана не оказывали особого сопротивления. Просили помочь полиции задержать преступников. Потом мы вошли в магазин, взяли ценности и ушли под довольный смех вашего родственника и сотрудников его магазина, которые с удовольствием выдали нам ценности, предвкушая момент, когда нас арестуют на улице. А потом они следили за тем, как мы уезжаем. Кстати, он и его люди ждали довольно долго, минут двадцать, пока не поняли, что их просто разыграли.

— Но как вам удался подобный трюк? — поинтересовался Зингерман. — Насколько я понял, вы почти не владеете французским.

— Нет, — хитро улыбнулся Дронго, — действительно не владею. Но нас было двое.

Я и мой французский друг, переводчик, с которым я обычно работал. По моему предложению он позвонил в полицию и узнал имя комиссара. А потом от его имени позвонил ювелиру, рассказал о якобы готовящейся засаде. Мы выбрали новый магазин, где хозяином был приехавший из Бельгии ювелир, который не сумел бы достаточно точно отличить голос настоящего комиссара от голоса моего переводчика. И самое главное, что нас было двое. Но в отчете Интерполу я не стал упоминать о переводчике, чтобы не подводить его, ведь по французским законам он совершил самое настоящее мошенничество. Его могли привлечь к уголовной ответственности и за обычный грабеж. Поэтому я не стал упоминать о его помощи. А мою изобретательность тогда особо отметили. Кстати, разве ценности ему не вернули?

— Вернули через месяц. Но в истории нашей семьи это был особый случай. Зингерманы обычно не поддаются на подобные провокации.

— Больше я подобных «трюков» не делал, — признался Дронго, — наоборот, обычно искал преступников, которые грабят ювелиров.

— Об этом я знаю, — ответил Зингерман, — именно поэтому хотел лично встретиться с вами, чтобы поблагодарить за вашу помощь

нашей семье в Кейптауне. Вы очень хорошо поработали, господин эксперт. И наша фирма предложила мне встретиться с вами и выразить благодарность в любой удобной для вас форме.

— Я уже получил гонорар, — напомнил Дронго, — я считаю, что это нормальная форма взаимоотношений. И не будем больше говорить об особой форме благодарности. Это неправильно и даже унижительно. Профессионализм как раз и заключается в том, что вам платят за вашу хорошую работу, если она действительно хорошая.

— Спасибо. В любом случае мы собирались особо отметить вашу работу. Вы всегда можете на нас рассчитывать.

— Спасибо за ваше предложение. Я буду иметь его в виду.

— А вы сами возвращаетесь в Италию? Или собираетесь куда-нибудь в другое место?

— Я еду в Брюгге, — ответил Дронго, — там будет конференция, и я в числе приглашенных.

— Прекрасно, — обрадовался Зингерман, — как раз там мы вас и найдем. Там будет и наш представитель. Позвольте мне еще раз поблагодарить вас и пожелать вам счастливого пути. Машина вам нужна? Как вы собираетесь добраться до Брюгге?

— На поезде, — показал Дронго в сторону вокзала, — насколько я помню, отсюда чуть больше часа до Брюгге на вашем экспрессе.

— Верно, — согласился Зингерман, — я сам предпочитаю поезда. Удобно и быстро. В таком случае позвольте вас еще раз поблагодарить и пожелать счастливого пути. Хотя нет. Давайте сделаем иначе. У меня есть немного времени, и я провожу вас до вокзала. Заодно вы расскажете мне все подробности вашего расследования в Кейптауне.

— Договорились, — согласился Дронго, — пойдемте вместе.

— А где ваш багаж?

— На вокзале. Я решил, что мне будет неудобно катить за собой свой чемодан. Или ходить с ним в музей. Он в камере хранения.

Зингерман понимающе кивнул, и они повернули в сторону вокзала. Идти было совсем недалеко. Вокзал находился на другой стороне площади. Зингерман внимательно слушал эксперта, не перебивая его, и лишь дважды уточнил некоторые детали состоявшегося расследования. Они почти дошли до вокзала. Дронго тепло попрощался с ювелиром и пошел доставать свой багаж. Из соседней ячейки небольшой чемодан доставала миловидная молодая

женщина лет тридцати. Она мельком взглянула на Дронго и отвернулась. Тонкие губы, чуть удлиненный нос, светлые глаза. Незнакомка была шатенкой. И очевидно, натуральной. У нее позвонил телефон, и она достала его из сумочки. Быстро ответив, убрала телефон обратно. Дронго набрал код, открыл дверцу и забрал свой чемодан, она вытащила свой. И оба почти одновременно захлопнули дверцы своих отсеков. После чего взглянули друг на друга и отошли в разные стороны.

Он пошел к своему вагону, когда услышал за спиной недовольные голоса. Мужчина и женщина громко спорили по-русски.

— Я много раз говорил тебе, Эльвина, что это невозможно, — нервно произнес мужчина, — и ты каждый раз настаиваешь с такой эмоциональностью и напором, словно речь идет о твоей жизни. Неужели непонятно, что это просто невозможно.

— Если бы ты был более внимательным и настойчивым, то все могло бы повернуться иначе, — возражала дама.

— Нам нужно ехать именно сегодня, и именно в этом вагоне, — напомнил мужчина, — я тебе уже сто раз объяснял.

— Можно было встретиться уже в самом Брюгге. Или в другом месте, — раздраженно повторяла женщина.

Они прошли близко, едва не касаясь Дронго. Обоим было лет под пятьдесят. Плотные, упитанные, с похожими круглыми лицами, они продолжали ругаться, с трудом поспевая за носильщиком, который толкал тележку с их тремя чемоданами.

У вагона первого класса они остановились. Здесь были двухэтажные вагоны, и женщина нервно потребовала, чтобы их вещи подняли на второй этаж.

— Это неудобно, — возразил мужчина.

— Ты всегда готов спорить, Геннадий, по любому поводу, — разозлилась женщина, — значит, я должна сидеть внизу и ничего не видеть? Тебе нравится меня унижать?

— Нам ехать до Брюгге только один час, — напомнил муж, — ты не понимаешь, что из-за твоей прихоти сейчас чемоданы поднимут на второй этаж, а потом в Брюгге я должен буду сам спускать все три чемодана вниз. Где мы там найдем носильщика? Говорят, что это небольшой город.

— Значит, спустим сами, — громко возразила жена.

— Представляю, как ты будешь спускаться по узкой лестнице свой чемодан, — отмахнулся Геннадий, — заноси сюда, — показал он в сторону первого уровня.

— Нет, пусть поднимет наверх, — заупрямилась Эльвина, — ты сам говорил, что нам нужно быть на втором уровне вагона первого класса.

— Я могу подняться туда и без тебя, — сказал Геннадий.

— Когда ты что-то в жизни делаешь без меня, у тебя всегда все получается наперекосяк, — ядовито заметила женщина.

— Ну и черт с тобой, — решил муж, — пусть поднимают наверх. Не можешь спокойно посидеть один час. Пусть поднимает...

— Не ори, — потребовала супруга, — мы находимся в Европе, где всегда можно найти тележку и носильщика. Мы не где-нибудь у себя в Мухосранске.

— Дура, — выдавил сквозь зубы супруг.

Дронго терпеливо дожидался, пока вещи этой семейной пары поднимут наверх. Следом за ними туда поднялась миловидная молодая женщина, которую он видел у камеры хранения. У нее были чемоданчик и сумка от известной французской фирмы, уже много лет занимавшейся багажом и ставшей самой известной